

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

№ 27

**К 100–летию УХОДА
Л.Н. ТОЛСТОГО**

Издается с 1993 г.

**МОСКВА
2010**

Литературоведческий журнал

Александр Николюкин

**Литературоведческий
журнал № 27: К 100-
летию ухода Л.Н. Толстого**

«Агентство научных изданий»

2010

УДК 83
ББК 64

Николюкин А. Н.

Литературоведческий журнал № 27: К 100-летию ухода Л.Н. Толстого / А. Н. Николюкин — «Агентство научных изданий», 2010 — (Литературоведческий журнал)

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению. Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Рукописи рецензируются. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

УДК 83
ББК 64

Содержание

К 100-ЛЕТИЮ УХОДА Л.Н. ТОЛСТОГО	5
ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ ТОЛСТОГО	5
ТРАДИЦИИ «МЕТЕЛЬНОГО ХРОНОТОПА» В ПРОЗЕ ТОЛСТОГО	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Николоюкин

Литературоведческий журнал № 27: К 100-летию ухода Л.Н. Толстого

К 100-ЛЕТИЮ УХОДА Л.Н. ТОЛСТОГО

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ ТОЛСТОГО

О.П. Краснова

*Истинное знание только одно: знать, как жить.
Величия для людей нет, есть только исполнение,
большее или меньшее исполнение и неисполнение должного.
(Л.Н. Толстой)*

Осмысление философских дневников Л.Н. Толстого позволяет сопоставить век нынешний и век минувший, напомнить себе о своих истоках, усовершенствовать и обогатить себя духовно. Исая Берлин (1909–1997), известный английский ученый и дипломат, будучи искренним почитателем русской классической литературы и таланта Толстого, в монографии «Философия свободы» предложил определенную синтезирующую интерпретацию творческого гения писателя. Смысл определения гениальности писателя, по мнению И. Берлина, раскрывается самим Толстым и усматривается в умении «смотреть вглубь», как-то понимать отношение «верхнего» уровня к «нижним», полуинстинктивно интегрировать бесконечно малые величины, из которых состоит частная и общественная жизнь, о чем сказал Толстой в эпилоге романа «Война и мир».

Важнейшими принципами мировоззрения Толстого являются страстная убежденность в идеалах добра и справедливости, познание смысла жизни через познание Бога. Понимание ценности самой жизни является основным законом бытия, лежащим в основе оптимистического мировидения писателя, прибегающего к сопоставлению жизни – «не жизни» – радости жизни. Отталкиваясь от состояний, несущих негативные ощущения для человека, излагая жизненную ситуацию в момент ее драматического накала, писатель усиливает акцент на ценности самой жизни, и, не взирая ни на какие возможные ее сложности, преподает урок ценности жизни, заключающийся в радости жизни. Толстой записывает в своем дневнике: «Если помнить то состояние не жизни, из которого я вышел и к которому иду, то, как не ценить всех тех благ, которыми полна эта жизнь. Человек утопающий, не знающий другого состояния, вынырнул на мгновение в последний раз и недоволен тем состоянием, которое он испытал. Помни всегда все то, что не только угрожает, но свойственно тебе: разрушение, страдания, смерти близких, своя смерть, и ты будешь ценить всякий час свободный от всего этого, и радость жизни будет самое естественное твое чувство» (5 ноября 1904; 163¹).

Метафора жизни разворачивается в контексте «жизненного пути» как «переезд», «плавание» и соотносится с определенными этапами: переезд на коне от какого-то одного места до другого, подле которого конь станет, и надо будет слезать; или переезд на корабле... когда доедешь до последней пристани – 70, 80, 90, 100 лет. Этапы жизни человека писатель соотно-

¹ Все цитаты приведены по изд.: Л.Н. Толстой. Философский дневник 1901–1910 / Сост. и вступит. ст. А.Н. Николоюкина. – М., 2003.

сит с состояниями «весело», «ново», «забываешь, что плывешь», «все больше и больше понимаешь свое положение, привыкаешь к нему» и, «подъезжая к пристани, сжился с товарищами, полюбил их, и тебя полюбили, но веришь капитану, который говорит, что там, где он тебя ссадит, будет так же хорошо, как на корабле (1 января 1905; 173).

Смысл жизни, доступный человеку, заключается в возможности участвовать в божеской жизни, и необходимости и обязанности человека быть счастливым. Если же человек несчастлив, то это значит только то, что он делал не то, что должно, или не делал того, что должно. Не только благо является следствием исполнения долга, но долг человека заключается в том, чтобы он испытывал благо (20 января 1905; 174). Интерпретация категории «жизнь» может быть сведена к онтологической формуле: жизнь равна пользованию благом жизни; смысл жизни заключается в участии божеской жизни; человек должен быть счастлив; если несчастлив, то это значит, что он делал не то, что должно; долг человека равен ощущению блага, т.е. жизнь равна долгу человека испытывать благо.

В дневниковой записи Толстого от 22 марта 1905 г. находим определенные рекомендации для выполнения условий «хорошей жизни»: руководиться в жизни только (помимо требований тела) волей Бога, независимо от мнения людей. Толстой рекомендует даже практиковать юродство (незаметное), и, не думая о любви к тебе людей, любить всех людей... не только на деле, в отношениях, но в мыслях, в представлении о людях: всегда думать о людях с уважением и любовью, не позволять себе думать недобро, приучать себя думать всегда с любовью о людях, тогда только будешь и обращаться с ними с любовью (22 марта 1905; 182).

Логическая последовательность смысловых единиц позволит резюмировать концепт жизни – «хорошей жизни»: руководство волей Бога – практика незаметного юродства – любовь к людям – приучать думать с любовью – обращаться с любовью. Жизненный урок Толстого сводится к высокой степени человеколюбия в мыслях, делах, взаимоотношениях – и все это по воле Бога.

Исследуемый концепт включает наряду с антропологической составляющей и нравственную, связующим смысловым звеном является поиск человеком жизненной истины – своего назначения добывать все более и более истину и жить согласно с этой истиной (6 февраля 1901; 20). Назначение жизни человека определяется Толстым с двух позиций: (1) как освобождение себя, совершенствование личности; (2) как освобождение духа во Всем, совершенствование мира (9 февраля 1908; 347). Смысл жизни человека писатель видит в «произращении», в радости на успехи «произрастания», в совершенствовании. Но свое совершенствование человек никогда не видит, а если видит, то, по мнению писателя, оно отсутствует.

Закон «жить по-божьи» осуществляется, когда основной смысл жизни человека заключается в том, чтобы «приучить себя класть жизнь не в совершенствовании, а в проявлении своей божественной природы, жить по-божьи, и тогда усилие человека заменится привычкой (9 ноября 1906; 276).

Благо для человека возможно только тогда, когда он направляет свою деятельность вне себя, на благо ближнего. Воля Бога в том, чтобы любить ближнего, делать добро ему (1 марта 1903; 69). Категория «благо» в философском контексте Толстого обладает многозначностью, ее интерпретация расширяется в контексте «движения – изменения»: для человека движение, возможность изменения себя дает благо (29 января 1905; 175).

9 июня 1904 г. Толстой заносит в дневник запись, в которой находим концептуальный ряд смысловых единиц назначения человека: возможность жизни без ожидания награды – исполнение назначения как клетка тела – отречение от личности – добрая жизнь – уничтожение насилия над собой – мучения при руководстве «правилом помогать» – сознание исполнения своего назначения: «Ходил утром, молился, и особенно ясно почувствовал *возможность жизни без ожидания награды* (страха наказания у меня никогда не было), а только для того, чтобы исполнять свое назначение. Как клетка тела. Не ждать за свои поступки возмездия, ничего не

желать, кроме исполнения своего назначения, – видеть в этом все и начало и конец всего – это и есть то отречение от личности, которое нужно для доброй жизни. Такое руководящее начало в жизни очень облегчает жизнь: уничтожает то насилие над собой, которое требуют различные доктрины. Например. Сейчас, нынче от меня требуют денег погорелые, помощи босяки, совета рабочий, призываемый к воинской повинности. Я устал, не могу все исполнить. И я мучаюсь, если я руководюсь правилом, что надо помогать, и т.п. Но как только я сознаю себя живущим только для того, чтобы исполнять свое *назначение клетки в теле*, я спокойно и радостно делаю, что свойственно моему назначению, не больше, и не тревожусь» (9 июня 1904; 129).

Законом бытия является определение «доброты жизни человека» в качестве ведущего критерия цивилизационной идентичности: «Страх смерти можно мерить добротой жизни» (15 августа 1904; 147). Проявление «доброты жизни человека» выполняет защитную функцию для человека от ощущения страха смерти. Добрый человек не будет испытывать страха смерти в силу своей жизненной позиции творения добра окружающим его людям. Добротой своего сердца он одарил многих людей и тем самым выполнил свое назначение – служить людям. Концепт «служения» раскрывается категориями «святая жизнь человека» – «мирская деятельность», направленная на служение людям (22 октября 1904; 160). Служение человека создает условие для роста его жизни (31 июля 1904; 146). Жизнь духовная для писателя представляется вне времени и пространства. Жизнь же в этом мире есть только исполнение известного назначения (5 ноября 1904; 162).

Для того чтобы не совершать ошибок и содействовать этому всеобщему совершенствованию человечества, человек должен сам совершенствоваться, стараться быть совершенным, как Отец Небесный (11 декабря 1904; 166).

Правоту человека Толстой находит в утверждении человеком самого себя как носителя по образу и подобию «Божественного “я”». «Ужасен» становится тот человек, который с уверенностью собственной правоты, свойственной «Божественному “я”», утверждает свое животное, или тщеславное, честолюбивое, исключительное «я» (12 июня 1905; 194). Правота человека связана с божественным началом, и это – нравственно, безнравственно – проявление человеком тщеславия, честолюбия, демонстрации собственной исключительности.

К числу иллюзий человека писатель относит определенные свойства жалеть жертвы, а не мучителей; быть недовольным миром, когда недоволен собой; бояться будущего, когда боится прошлого (24 ноября 1904; 165). В нравственном мире к числу обманов человека и «недоразумениям, по которым причины принимаются за следствия и следствия за причины, относятся заблуждения людей, связанные с их недовольством миром, в то время когда они недовольны собой; проявление жалости к жертве людских жестокостей, когда достойны жалости и жалки сами мучители, а не жертвы; иллюзорная боязнь людей за будущее, в то время когда они боятся и недовольны прошедшим (11 декабря 1904; 167).

«Зловреднейшее заблуждение», полагает писатель, заключается в желании человека «совершать подвиги» ради похвалы людей, награды. Заблуждение человека заключается в том, что он полагается в выполнении дел заслужить славу среди людей, а не трудится для Бога. Завет писателя, исходящий из осмысления «заблуждения», заключается в том, что человек должен жить для Бога и долг его в том, чтобы помогать другим, если он может, но при этом не сравнивать себя с другими людьми (3 апреля 1904; 184). Помощь человека во благо другому человеку является антропологическим принципом, проповедуемым Толстым. Эгоизм человека, по определению Толстого, лежит в основе любой деятельности человека. Сознание своего «я» должно быть двигателем всего, но сознание своего истинного «я», единого с Богом, а не обманного «я», кончающегося своей собственной персоной. Осознание человеком своего божеского «я» ведет к истинному благу всех людей (11 июня 1904; 131).

Толстой рассматривает эгоизм как проявляемое человеком свойство с двух точек зрения – негативной, когда человек заботится о себе телесном и вовлекается в «ряд неустрашимых

трудностей и бед; и позитивной, когда человеком осмысливается «сознание своего высшего “я”», определяемого «самым высшим состоянием и самым благим для себя и для других». Забота о себе духовном открывает перед человеком жизненную возможность того момента, когда человеку становится все по плечу, все легко и все благо (20 июня 1904; 134). Эгоизм определяется Толстым как «основной закон жизни», признать свое «его» – определить первичность своего сознания или своего тела, духовного или телесного сознания (30 апреля 1907; 299).

Совість определяется как воздействие сознания вечного, божественного начала на сознание временное, телесное. Пока не проснулось это сознание, нет совести. И звать к ней – напрасно (31 декабря 1904; 171).

В качестве антропологического закона, сформулированного Толстым, можно рассматривать позицию стремления человека «выйти из своих пределов». Персональный выбор «выхода» зависит от ценностных ориентиров личности. Типология личности, по Толстому, сводится к следующей классификации: (1) человек пытается осуществить выход из своих пределов посредством материальных воздействий на материальные предметы или приобретением собственности; (2) приобретение знаний; (3) овладение силами природы; (4) соединение в браке и с семьей; (5) власть.

Философское обобщение, к которому приходит писатель, усиливает акцент на контекст парадокса в концептуальной позиции «выхода человека из своих пределов»: «ничто не освобождает его от его пределов. Всегда одно в ущерб другому: он только растягивает мешок, в котором сидит». Формула данной позиции «выхода из своих пределов» сводится к тому, что чем больше человек растянет его (мешок) в одну сторону – метафора выбора ценности, – тем больше стеснит его во всех других (20 июня 1904; 135). Таким образом, значимость выбора той или иной жизненной ценности для человека определяется степенью соблюдения им «золотой середины», гармоничностью и разумностью сделанного выбора.

Антропологический закон «расширения своих пределов» предполагает слияние человека с другими существами при условии, когда сам человек поймет свою духовную сущность. Понимание собственной духовной сущности приводит человека к неизбежному слиянию со всеми другими существами, основу слияния составляет любовь (20 июня 1904; 135). Расширение пределов человека Толстой связывает с единением людей, корни которого лежат в понимании православных традиций духовного братства.

Антропологический закон «ценности жизни человека» сводится к ответу на вопрос: «Почему нельзя убивать людей?» – Ценность жизни человека заключается в том, что каждый человек представляет собой особенное, единственное, никогда не бывшее прежде существо, имеющее соответственное своей особенности назначение. Каждое существо есть особенный и нужный Богу Его орган» (20 июня 1904; 135).

Отношения между людьми, в ключе философии жизни Толстого, строятся на основании определенных принципов: человек не должен ожидать от людей любви к себе; презрение к человеку неуместно; следует не ожидать от людей того, чего они дать не могут (8 июня 1901; 31). Соблюдение данных антропологических принципов в межличностных отношениях, провозглашенных писателем в начале XX в., сохранит цивилизационную преемственность и позволит не только избежать негативных последствий в межличностных взаимоотношениях, но и будет способствовать организации гармонических, толерантных отношений в современных социальных процессах. Антропологический подход к спасению человека от нелюбви к другому человеку писатель связывает с добрыми делами, адресованными нелюбимому человеку: не любишь человека – сделай ему добро, которое тебе (нелюбящему) составит спасение от нелюбви (31 июля 1904; 145).

Сущность жизни человека определяется любовью. Толстой высказывает мысль о том, что человек становится нелюбим не по причине того, что он зол, а по причине того, что мы

считаем, что он зол, потому что не любим его (22 октября 1904; 161). Осознание человеком того, что его любят, подвигает, по мнению Толстого, человека к добру, потому что человеку радостно быть любимым, подвигает к добру «...тем умилением, которое возбуждает любовь, возбуждаемая и испытываемая» (31 июля 1905; 199).

Любовь занимает большое место в жизни человека. Для православного человека понимание любви связано с любовью «пребывающей в нас» и «нашим пребыванием в любви»: «пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог пребывает в нем» (18 февраля 1906; 225). Толстой рекомендует «поставить за правило... пребывать в любви к людям – в мыслях и чувствах» (18 февраля 1906; 226).

Самой «нужной» любовью, пребывание в которой позволяет идентифицировать себя как православного человека, является тот тип любви, которая позволяет «перенесение себя в другого, страдающего человека», переживание сострадания, желания ему помочь, что определяется «любовью-состраданием» (3). В данной ситуации человек может жалеть, что он здоровее, цел, не болен, не калека в сравнении с тем, кому он сочувствует.

В качестве завещания осмысливаются рекомендации Толстого выработать в себе такое отношение к духовно больным людям, развращенным, заблуждающимся, гордым (что особенно трудно), как и к больным телесно. Не сердиться на них, не спорить с ними, не осуждать их, а если не можешь помочь, то жалеть их за то, что те духовные качества и болезни, которые они несут, не легче, а тяжелее телесных (9 ноября 1906; 276).

Концептуальная категория «воля» допускает проявление свободы воли человеком, в современной интерпретации – свободы выбора, но нравственной основой действий человека неизменно остается «закон любви»: «Человек может свободно действовать согласно с законом любви и получить все увеличивающееся и верное вполне удовлетворяющее его, им самим приобретенное благо, но не может нарушить общего закона жизни, т.к., и, отступая от закона и противодействуя ему, он исполняет его» (9 февраля 1908; 347).

Концептуальная категория «добродетельность» характеризуется смысловой взаимосвязью с категориями «внутреннее благо», «добрая жизнь»: «Добродетельный человек всегда будет в барышах (выгода, польза), т.к. будет испытывать то особенное внутреннее благо, которое дает добрая жизнь, благо, которого лишен человек порочный (22 октября 1904; 160).

Концептуальная категория «величие человека» представлена категориальным рядом «величие людей – исполнение должного» (исполнение долга. – *О.К.*) и перерастает в закон исполнения человеком долга – «должного»: «Величия для людей нет, есть только исполнение, большее или меньшее исполнение и неисполнение должного».

Концептуальная категория «радость» разворачивается в философских дневниках Толстого в контексте ответа на вопрос «радоваться чему?»: чувство радости у человека должно вызываться приобретением таких личностных качеств, как увеличение мудрости, любви и радости жизни (18 июня 1905; 195). Интерпретация контекста может быть представлена категориальным рядом: радоваться – увеличению мудрости, любви, радости жизни – радоваться радости жизни.

Урок-завет «избавления от споров» предлагается человеку для избавления, ухода от споров, причина которых заключается в стремлении человека защитить свою правоту, в отсутствии желания признать свою ошибку перед людьми.

В пространстве антропологического концепта предлагается принцип «расследования с самим собой», исполнение которого возможно при решении вопросов не в спорах, а в возражении самому себе всеми силами. Если же в споре звучат хорошие возражения, то не стоит спорить, а с благодарностью следует принять к сведению возражения и обдумать их наедине с собою (31 декабря 1904; 170).

Концептуальная категория «совершенствование» локализуется в мысли писателя о призвании человека совершенствоваться. Высший уровень локализации данного концепта может

быть представлен как закон совершенствования, который характеризует совершенствование в качестве несомненного улучшения положения человека. Природным свойством человека определяется Толстым стремление человека к совершенству.

Писатель подходит к определению жизни человека как фактору, способствующему увеличению души человека. И благо человека заключается не в определении, какая у него душа, а в том, насколько человек увеличил, расширил, усовершенствовал ее в течение жизни (22 октября 1904; 159). Самообразование человек осуществляет посредством чтения, которое предоставляет для него общение с мудрейшими людьми. Духовная, нравственная высота такого общения нашла свое воплощение в книге писателя «Круг Чтения» (29 января 1905). Спустя век, отделяющий нас от эпохи классика, концептуальная категория «знание» несет в себе глубокие просветительский, педагогический смыслы, созвучные проблеме российской цивилизационной идентичности. Знание не монополизируется. Приобретенное знание не принадлежит только усвоившему его и должно быть доступно каждому, кто нуждается в нем.

Теологическая направленность философской рефлексии Толстого связывается с установлением отношений к миру с позиции «нахождения центра» и установления отношений каждой части окружности к центру, что «будет правильным отношением всех частей окружности между собою» – «так и установятся все отношения к миру, к людям».

Аксиоматична в контексте мысль Толстого о том, что без осознания «центра» – Бога установление отношений к одним будет расстраивать отношения с другими. Концепт «Бог» сосредоточивается в смысловых единицах: отношения к условиям жизни – установление отношений к миру из центра – отношения к Богу – отношения к людям (1 июля 1904; 141).

В контексте концептосферы философии жизни заключается понимание концептуальной категории «Бог», являющейся смысловым ядром закона – «Бог – это закон», требующего от человека соблюдения правды, смирения и доброты, исполнение которых дает человеку свободу, спокойствие и жизнь (15 сентября 1904; 157).

Концептуальная категория «вера» в философской рефлексии писателя представлена как определенный рубеж, граница – «место», к которому привел разум, в котором он остановился, и идти дальше не может, и есть истинная вера, совсем другое, чем доверие (7 мая 1901; 29).

Концептуальная категория «нравственность» исследуется в контексте смыслового ядра, включающего в себя конфессиональные и общенациональные признаки, позволяющие анализировать русские традиции в сопоставлении XIX–XXI вв. и рассматривать их с точки зрения цивилизационной идентичности современного российского общества.

В качестве концептуальных периферий по отношению к смысловому «ядру» цивилизационной нравственности анализ концептуальных категорий представит диапазон философских размышлений классика отечественной словесности и позволит расширить представление современного россиянина о проблемах российской повседневности и вечности, волновавших душу и мысль писателя более столетия тому назад. Толстой определяет нравственность человека обладанием им свободой от соблазнов, непосредственно связанной с любовью к Богу, т. е. к Истине, Добру, Ближнему.

Критериями качества человека, идентифицирующего себя с определенным этноконфессиональным началом во временном измерении прошлого-настоящего и будущего и определяющими нравственность русского человека, являются любовь к Богу, Истине, Добру и Ближнему. Нравственность основана на осознании человеком себя духовным существом, единым со всеми и со Всем. Жизнь «для себя» – несовместима с нравственностью, нравственность – понимание себя проявлением Бога (20 июля 1907; 311).

Концептуальная категория «нравственность» расширяется социальными категориями «богатства – бедности», которые, в контексте размышлений Толстого, разворачиваются в соответствии с этноконфессиональными традициями, позволяющими определять российскую цивилизационную идентичность в исследуемом категориальном пространстве. «Добрый бога-

тый» стыдится своего богатства и искренно хочет сделать добро бедному. Бедный же человек, будучи добрым по своей натуре, «всегда завидует богатому, досадует за то, что беден и ему хочется скорее сделать зло, чем добро богатому» (13 февраля 1907; 291). Категориальный ряд концепта выстраивается из следующих смысловых единиц: «добрый богатый – стыд за богатство – добро бедному – добрый бедный – зло богатому». Бедные люди испытывают больше счастья, чем богатые, потому что удовлетворение жизненно необходимых потребностей, которых был лишен человек прежде, без сравнения радостнее удовлетворения прихотей богатых (30 апреля 1907; 300).

Нравственно-антропологический аспект концепта нравственности может быть представлен концептуальными категориями: нравственность – крепостное право – благо человека – духовное – забота о себе – забота о других. Писатель, размышляя о нравственности, отмечает то, что крестьяне были гораздо лучше нравственно во время крепостного права, чем после его ликвидации. Подавленность, нужда, страдания содействовали нравственному совершенствованию, а свобода, достаток, внешние блага были вредны, потому что требуют многого. Для русского человека лучше и легче устроиться в маленьком домике, чем в огромном дворце. Аксиомой нравственности является определение «блага» Толстым: «Благо человека – только духовное, нарушает это благо более всего забота о телесном, материальном благе».

Забота о своем телесном благе заключается в заботе о благе других и подпитывается уверенностью, что другие будут заботиться о тебе – забота о другом порождает ответную заботу о тебе.

Толстой отмечает, что жестокость не свойственна человеку, причина ее проявления кроется только в узости цели, сосредоточенности усилий жизни человека на цели. Формула «жестокости» выражается в прямой зависимости от «узости» цели: «Чем уже цель, тем возможнее и жестокость». Антитезой «жестокости» является «любовь», направленная на благо других людей (2 июня 1909; 410).

Концептуальную категорию «грех» находим в дневниках писателя в смысловой параллели с такими категориями, как «богатство», «излишки». Смысловая параллель расширяется до категории «внутренний грех»: «Грех богатства, не только богатства, но излишка, а тем более большого богатства, кроме своего внутреннего греха пользования трудом, отнимания для себя труда других людей, еще и в том – ужасный грех – в возбуждении зависти и нелюбви людей» (9 ноября 1906; 270).

Категория «грех» в философской логике Толстого связана с «телоугождением», которое производит грех праздности и грех сладострастия; с грехом «гордости», из которого исходят грех неравенства, тщеславия, любострастия, в совокупности составляющие недоброжелательство (9 февраля 1908; 348).

Концептуальная категория «грех» открывает собой категориальный ряд, расширяющий смысловое содержание характеризуемой позиции в соответствии с этноконфессиональной традицией, которая предоставляет возможность анализировать рассматриваемые смыслы с точки зрения цивилизационной идентичности: грех – это богатство, излишки, пользование трудом другого человека, возбуждение зависти и нелюбви людей, праздность, сладострастие, гордость, неравенство, тщеславие, любострастие, недоброжелательство.

Духовно-нравственный концепт включает в себе совокупность категорий нравственности, над которыми осуществляется философская рефлексия Толстого:

смирение – основа добродетели и разума (ума): «Нет ничего более полезного для души, как памятование о том, что ты – ничтожная и по времени и по пространству козявка, сила которой только в понимании этого своего ничтожества»;

ум, который возникает только из смирения, глупость – из самомнения. Смиранный человек всегда недоволен собой и ищет себя, самоуверенный думает, что все знает, и не углубляется (8 августа 1907; 314);

нравственности «общения», соблюдая которую, «хорошо помнить при общении с людьми, что надо относиться к ним так, как к сынам Бога, безразлично царь он сам или нищий. Хорошо помнить при этом и о своей и его смерти» (9 февраля 1908; 345);

нравственная деятельность определяется Толстым как «всегда независима(я) от пользы», т.е. она находится вне времени и пространства. По мнению писателя, нравственная деятельность представляет собой расширение пределов, в которых заключается истинная жизнь (26 сентября 1902; 59).

Социальная формула безопасности общества обеспечивается нравственностью его членов, основанной на религии. Правящие классы для оправдания своей безнравственной жизни, используя религию, извратили ее, что способствовало падению нравственности и повлекло за собою уничтожение безопасности общества. Следствием чего явилось употребление насилия правящими классами для соблюдения безопасности не всего общества, а только самих правящих кругов (май 1902; 53).

«В минуты серьезные, – размышляет Толстой, – когда лежит... тело любимого человека, ярко видна безнравственность, ошибочность и тяжесть жизни богатых людей». Писатель прибегает к ситуативной зарисовке, позволяющей раскрывать вариативность собственных размышлений о людях, их жизненных обстоятельствах и отношениях. Описание ситуации позволяет автору интерпретировать смыслы, развернуть глубину контекста. Онтологической аксиомой должно характеризовать изречение писателя: «Лучшее средство против горя – труд».

Богатый человек ощущает психологический дискомфорт в момент драматической ситуации, возможно проявление неискренности – «безнравственность, ошибочность и тяжесть жизни богатых». «У богатых нет необходимого труда, есть только веселье. А веселье – неловко, и остается невольно фальшивая, сентиментальная болтовня» (9 ноября 1906; 276).

Революция как феномен, явление и событие национального и общемирового характера привлекает рефлексивное внимание Толстого. Характеристика душевного состояния людей, участвующих в революции, мотивы, движущие ими, сословная принадлежность являются параметрами, определяющими основные принципы, движущие в революцию человека: (1) «люди из народа, нуждающиеся и страдающие массы», побудительными чувствами являются зависть, корыстолюбие, злоба. Они жалки. Те, кто приводит их в это состояние, по определению Толстого, совершают «великий грех»; (2) мотивами «деятели революции» являются тщеславие, славолубие. Суевливость, самоуверенность, самомнение, властолюбие, зависть и злоба; (3) борцы против революции, отстаивающие существующее, испытывают не столь жестокое проявление злобы, эгоизма и упорства (29 ноября 1906; 277, 278).

В дневниковой записи от 23 декабря 1905 г. находим определение трех типов людей в развернувшейся русской революции, негативно воспринятых Толстым. Первый тип – консерваторы, желающие спокойствия и продолжения приятной им жизни и не желающие перемен. Отличаются качествами – скромностью, смирением. Недостатком данного типа людей является эгоизм. Второй тип – революционеры, которые хотят изменений, берут на себя дерзость решать, какое нужно изменение; они не боятся насилия для проведения своих изменений в исполнение, а также лишений и страданий. Недостатком данного типа являются дерзость, жестокость. Качественная характеристика определяется энергией и готовностью пострадать для достижения цели, которая представляется им благою. Третий тип – либералы, не имеющие качеств предыдущих типов, отличаются эгоизмом, желанием спокойствия первых и самоуверенностью вторых (23 декабря 1905; 211).

Действия либералов и революционеров оцениваются Толстым метафорично как напрасная трата драгоценного духовного материала. Они подобны людям, которые, подойдя к реке, вместо того чтобы строить мост, бить сваи, валят все это в реку в надежде замостить, а река все относит (22 декабря; 170).

Категориальный ряд концепта «революция» дополняется категорией «нравственность» и включает в себя смысловые единицы добрая жизнь народов – нравственность – пороки человека: добрая жизнь народов возможна в той мере, которую составляет добрая жизнь людей. Революции вызывают в людях недостатки и несовместимые с доброй жизнью пороки гордости, зависти и злобы. Улучшение положения народа возможно только при невмешательстве народа в дела власти (9 февраля 1908; 345). Толстой, размышляя над уроками Французской революции, отмечает, что ею были провозглашены несомненные истины, которые стали социальной ложью, так как вводились они насилием (22 октября 1904; 161).

Наблюдения писателя над социальными процессами, происходящими в России, отражаются в дневниковой записи от 31 июля 1905 г.:

запись 1). Пассивная революция началась в России;

запись 2). Интеллигенция внесла в жизнь народа в сто раз больше зла, чем добра;

запись 3). Революция теперь никак не может повторить того, что было 100 лет назад. Революции 30-х, 48-х годов не удалось потому, что у них не было идеалов, и они вдохновлялись остатками большой революции. Теперь те, которые делают русскую революцию, не имеют никаких идеалов, потому что экономические идеалы не являются идеалами;

запись 4). Недоразумение деятелей теперешней русской революции в том, что они хотят учредить для русского народа новую форму правления; русский же народ дождался до сознания того, что ему не нужно никакой;

запись 5). Способность религиозного отношения к жизни (высшая теперь человеческая способность) не может быть передана рассуждением... духовным воздействием людям, не имеющим ее. Люди такие (религиозного отношения к жизни. – *О.К.*) только начинают вырабатываться и являются совершенно независимо от образа жизни, материального достатка, образования даже больше среди бедных и необразованных. Количество их постепенно увеличивается, и изменение общественного устройства зависит только от увеличения их числа.

Улучшение общественного устройства, по Толстому, заключается в увеличении количества людей, обладающих религиозным отношением к жизни.

Запись 6). Русская революция должна разрушить существующий порядок, но не насилием, а пассивно, неповиновением (31 июля 1905; 198).

Толстой высказывает убеждение в том, что «изменение (социального устройства. – *О.К.*), сделанное насилием, неизбежно приведет к следующему насилию. Изменение может совершиться только при подъеме общественного сознания. Общественное сознание понижается всякой революцией (2 октября 1906; 263).

Социальная направленность философских размышлений писателя о судьбе России раскрывается в ситуативно-нравственном контексте: «То, что случилось в России, подобно вот чему: швейцар в игорном доме понял, что его хозяин обирает посетителей, увидал, что деньги из карманов посетителей переходят в карман хозяина. Ему это понравилось, и он решил сделать то же, но самым простым образом: узнав, что у человека есть деньги, он прямо полез к нему в карман, оказалось, что сосед этого человека заступился и отколотил швейцара. И он удивляется, отчего другим это удается, а ему нет (27 августа 1905; 202).

Концептуальная параллель категорий «свободы–освобождения» в сопоставлении с антитезой «порабощение» анализируется в социально-нравственном аспекте и обретает у Толстого своеобразную интерпретацию необходимости освобождения человека от корысти. Подати, по мнению Толстого, являются самым могущественным орудием порабощения, и потому освобождение от участия в собирании податей при освобождении от корысти, готовности к бедности, отказе служения богатым могут предоставлять человеку освобождение от порабощения (1 марта 1909; 393).

Концепт демократии управления интерпретируется как социальный закон, заключающийся в представлении демократии управления, которая на определенном этапе эволюции

будет доведена до того уровня, когда все люди будут участвовать в управлении, тогда не будет и управления, потому что люди будут каждый управлять собой.

Управление как социальное явление рассматривается Толстым с двух возможных позиций, оцениваемых им негативно: большинство под властью одного или немногих; меньшинство под властью большинства. При условии, когда все управляют всеми – управления нет (24 августа 1906; 253).

Несправедливость и насилие исследуются Толстым в контексте «устройства» (государственного. – *О.К.*) жизни. Все люди, отмечает классик отечественной литературы, ни на какое устройство никогда не будут согласны, и заставить их исполнять установленное устройство можно только насилием, право же на насилие не могло помешать и не мешает людям отступить от установленного устройства и совершать насилия друг над другом; в свою очередь, установленное насилием устройство увеличивает теми, кто пользуется насилием, количество людей, насилующих друг друга (2 февраля 1907; 288). Нравственная позиция человека заключается в том, что безнравственность правительства не должна им поддерживаться (30 марта 1905; 183).

Рефлексия над отношениями между русским народом и властью позволяет писателю сделать вывод о том, что русский народ избегает власти, удаляется от нее, он готов предоставить ее скорее дурным людям, чем самому замараться ею, потому что это лучше для русского человека, чем быть вынужденным употребить насилие. Мысль писателя о том, что положение человека под властью тирана гораздо более содействует нравственной жизни, чем положение избирателя, участника власти, приводит его к заключению, что данная особенность составляет основание для деспотизма. Осознание безнравственной власти тирана и нравственной жизни человека под властью тирана, по мнению Толстого, свойственно не только славянам, но всем людям (30 марта 1905; 183). Толстой приходит к выводу, что деспотизм и насилие в большей степени зависят от разъединения людей (24 июля 1904; 143).

Взаимодействие концептуальных категорий «человек» – «неповиновение» – «Бог» усиливает многоаспектную философскую направленность дневников писателя: «Неповиноваться людям–власти может только тот, кто повинуется Богу» (19 сентября 1905; 203).

Концептуальная категория «земля» определяется писателем требованием народа «главной собственности – собственности на землю, принадлежности ее тому, кто ее обрабатывает», что является самым прочным обеспечением свободы. Свобода человека, понимаемая как неприкосновенность личности, способствует нравственному обеспечению, ощущению человеком себя в качестве защитника своего дома, земли, с которой он кормит свою семью.

Род земледельческой жизни определяется Толстым как сама жизнь, как книга – библия, единственная жизнь человеческая, при которой только возможно проявление всех высших человеческих свойств. Главной ошибкой при устройстве человеческих обществ является желание людей устроить общество без земледельческой жизни или при таком устройстве, при котором земледельческая жизнь – только одна и самая ничтожная форма жизни человека (2 апреля 1906; 235).

Разумная нравственная жизнь возможна только при земледельческом труде всех. Земледелие, по мнению писателя, руководит разумной жизнью русского человека и указывает на самое нужное и менее нужное в его жизни. Писатель призывает «коснуться земли» (17 апреля 1906; 238). Интерпретация концептуальной категории «земля» связана с осознанием земли как очищающей силы. Земледелие понимается нами как трудовая деятельность человека, направленная на обеспечение безопасности и поддержания жизни.

29 мая 1906 г. писатель записывает: «Мы (русские) живем преимущественно земледелием, а земледелие, от которого мы отходим вследствие греха власти, есть единственная разумная форма жизни» (29 мая 1906; 244). Концептуальная категория «земля» включает в себе множество смыслов, один из которых анализируется Толстым с точки зрения «владельцев ею»:

земля огораживается как личная собственность, и владелец допускает к ней только под условием служения себе.

Усомниться в разумности человека заставляет писателя желание людей устроить социалистическое благоденствующее государство при всемирном, освященном законом рабстве, называемом священной собственностью (19 марта 1909; 397, 398). Земельных собственников писатель уличает в грабительстве по отношению к тысяче людей, которые трудятся на земле, питаются ее плодами, кормят и растят скот, земля для которых является его по самым неоспоримым актам: «Прежде чем составлять законы, запрещающие воровство хомута, дерева, сена, надо бы составить законы, запрещающие грабеж самой законной собственности людей – земли» (19 июня 1909; 412). Концепт «земля» рассматривается и анализируется и с точки зрения «пользования» ею теми, кто не работает на ней, те же, кто работают, не могут пользоваться ею, и страдают, и мрут поколения за поколениями от невозможности кормиться с земли (28 июля 1909; 421).

Толстой определяет причины изменений отношения русского народа к власти, заключающиеся в осмыслении (1) патриархальной власти, «властвующей только над одним однородным, одноязычным и одноверным народом, не ставящей себе задачей соединение в одно чуждых народностей (империализм)»;

(2) требований духовной жизни, которые не остаются всегда одни и те же, а уясняются и развиваются;

(3) христианства, потребовавшего от людей уже другого – не участия в угнетении, насилиях, убийствах, даже если бы власти требовали убийства.

Отношение народа к власти определяется формулой: «Власть становится хуже, жестче, противнее духовному складу народа – требования народа становятся чище, выше» (6 февраля 1909; 220).

Толстой предлагает для Российской цивилизации отдать предпочтение выбору пути эволюционного в отличие от пути революционного.

Писатель определяет общие закономерности отношения русского человека к власти: русский человек охотно подчиняется тем, которые берут на себя труд, властвуя, распоряжаться, он готов переносить много лишений, только бы не быть оторванным от дела и не быть принужденным, нарушая требования своей духовной жизни, готов участвовать в распоряжениях управления, охотно передает власть, награждает всячески тех, которые берут на себя этот труд почестями и богатством.

Закон «ограничения власти», предлагаемый для рассмотрения Толстым, предполагает, что данное ограничение осуществляется малым числом людей, что производит только расширение власти, олигархию, вред и тяжесть такой власти для подвластных остаются те же.

«Подвластным» необходимо непрестанно заниматься средствами ограничения властвующих организацией выборов, протестов, прессой. Занятия данными средствами лишают подвластных людей той свободы досуга, которая позволяет им заниматься своим делом и вовлекают их в участие во власти, в то, ради чего, собственно, люди отказались от власти.

Весь парадокс обозначенного концепта «отношения народа к власти» сводится к символу «замкнутого круга», когда желание освободить себя от забот и греха участия в общественных делах заставило людей передать власть над собой некоторым. Злоупотребления властью заставляют подвластных искать средства ограничения этой власти. Единственное средство ограничения власти есть участие во власти.

Губительными для человека являются – «власть одного человека над другим, ибо она губит властвующего; богатство и деньги являются той же властью, тех, кто обладает ими, губит хуже, потому что грех ее скрыт» (30 апреля 1906; 243).

Предлагаемые Толстым гуманистические принципы, которые могли бы быть объявлены Учредительным собранием, сводятся к социально значимым демократичным законам: «Никто

не может владеть другим; никто не может владеть землей; никто не может собирать подати; казнить; лишать свободы» (20 августа 1904; 151). Отношение к сильным мира сего – царям, богачам – Толстой предлагает установить твердое – «Одно: преклонение перед ними, другое: равнодушие к ним искусственное и искусственное сожаление, вытекающее из желания не подчиняться их престижу. Настоящее же отношение должно быть отвращение, как ко всем убийцам, грабителям, смягченное только общечеловеческой любовью, как к убийце, каторжнику, который случайно захватил тебя в свою власть» (15 августа 1904; 147).

Позиция Толстого по отношению к существующему строю сводится к тому, что он не может быть исправлен, если оставить его основы, так же, как нельзя исправить стены дома, в котором садится фундамент. Нужно его весь перестроить с самого низа. Без внутреннего совершенствования социальное устройство внешних форм общественной жизни будет представлять собой, в метафорическом ключе Толстого, «разваливающееся здание из неотесанных камней» (1 января 1905; 172).

Толстой высказывает мнение, что цивилизация зашла в тупик, «все обещали, что наука и цивилизация выведут нас, но теперь уже видно, что никуда не выведут: надо начинать новое» (5 июля 1905; 198).

Сравнивая западные народы и русский народ, Толстой высказывает предположение патристического звучания о будущем русского народа: «Если русский народ – нецивилизованные варвары, то у нас есть будущность. Западные же народы – цивилизованные варвары, и им уже нечего ждать. Нам подражать западным народам – все равно, как здоровому, работающему, неспорченному малому завидовать парижскому плешивому молодому богачу, сидящему в своем отеле...» (3 июля 1906; 249).

Весомо значимые критерии российской идентичности, представленные в философских размышлениях Толстого, являются свидетельством характерных традиционных черт, свойственных русскому человеку и отражают:

(1) *духовную жизнь русского человека*, определяемую православием; верой в Бога, свободой от участия в насилии власти, совершенствованием, правотой, истиной, совестью, «выходом из своих пределов» посредством приобретения знаний, овладения силами природы, крепкими узами брака и благополучием в семье, отношением к власти; определением назначения жизни человека в контексте жизненных ценностей, связанных с проявлением доброты к людям, служением людям; формулой «все по плечу», «расширением пределов» жизни человека, духовной сущностью чего является любовь – перенесение себя в другого человека, единение с людьми, православное братство, русская традиция открытости передачи знания; способствующую соблюдению правды, питающую смирение, доброту, свободу, спокойствие и жизнь, ум, нравственность общения, нравственную жизнь;

(2) *духовные блага* российской цивилизационной идентичности выражаются преданностью воле Бога, благорасположением к людям, смирением, покорностью, терпением, серьезностью мысли, бесстрашием смерти, добротой, самоотверженностью;

(3) *нравственную деятельность* русского человека, заключающуюся в увеличении в людях любви делами, словами, убеждением, и *нравственность*, проявляющуюся в понимании свободы от соблазнов, любви к Богу, Истине, Добру, Ближнему;

(4) *социальные ориентиры*, представленные понятиями свободы – несвободы – освобождения; демократии управления, реализующейся в самоуправлении; с отношением к власти и гражданской позицией подвластных; осмысленные сквозь призму деспотизма и насилия, земли-собственности – значения земледельческого труда в России, общественного обустройства России, общественного прогресса и безопасности российского общества.

ТРАДИЦИИ «МЕТЕЛЬНОГО ХРОНОТОПА» В ПРОЗЕ ТОЛСТОГО

Е.Л. Мураткина

Л.Н. Толстой как-то заметил: «Просейте мировую прозу – останется Диккенс, просейте Диккенса – останется “Дэвид Копперфильд”, просейте “Копперфильда” – останется *описание бури на море*». Судя по этому замечанию, Толстой имел в виду главу LV романа Диккенса («Буря») – именно этот фрагмент, по его разумению, оказывается подлинным *шедевром мировой прозы*.

Но почему?

Среди произведений молодого Толстого несколько особняком стоит один рассказ, опубликованный в середине 1850-х годов и уже с самого начала, отметил Б.М. Эйхенбаум, «возбудил недоумение среди критиков»¹. По нашему мнению, этот толстовский рассказ, который, казалось бы, оказывается рассказом «ни о чем» и непонятно по какому поводу создававшимся, является аллюзией на указанное диккенсовское «описание бури» и может быть адекватно понят и оценен только в сравнении с ним.

Появление рассказа «Метель» (в мартовской книжке «Современника» на 1856 г.) знаменовало начало нового литературного периода в эволюции Льва Толстого. Только предыдущую свою публикацию – рассказ «Севастополь в августе 1855 года», появившийся в первой книжке «Современника» на 1856 г. – Толстой наконец подписал полным именем, и таким образом «раскрыл» инициалы для большинства читателей. Третий «севастопольский» очерк, соотносившийся с двумя предыдущими, демонстрировал Толстого как «военного» писателя – здесь же наконец возникла вполне «мирная» тема. Причем «мирный» сюжет о блуждании героя ночью по степи с мужицким обозом, странным образом разработанный в этом рассказе, получал как будто «зловещие» очертания.

И сам Толстой, находившийся на взлете своей литературной известности, кажется, испытывал некоторое «недоумение». В основу рассказа был положен случай, происшедший два года назад, на пути с Кавказа в Ясную Поляну. «Ровно две недели был в дороге, – записал он в дневнике. – Поразительного случилось со мною только метель»². Эта «поразившая» молодого Толстого метель случилась 24 января 1854 г. в 100 верстах от Новочеркасска, у станции Белогородцевской, вероятно, именно тогда был задуман рассказ.

Два года Толстой его «вынашивал» и начал писать только в конце января 1856 г. Написал же сравнительно быстро: под печатным текстом стоит дата: «11 февраля». На другой день он читал рассказ в редакции «Современника»: слушатели остались «очень довольны» (XLVII, 67). Это и понятно: как же еще редакция могла относиться к новому произведению «башибузука Толстого» (выражение Дружинина), который входил в литературную моду и к тому же в те самые дни заключал «обязательное соглашение» об исключительном сотрудничестве в «Современнике»!³ На этом авторском чтении рассказа, вероятно, присутствовал и Тургенев, который 27 февраля (еще до выхода мартовской книжки журнала) назвал его «превосходным» и рекомендовал в письме к С.Т. Аксакову, известному «первооткрывателю» описания степного бурана в русской литературе⁴.

¹ Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. – С. 128.

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбилейное изд. – М.–Л., 1928–1958. 1–90 т. Т. XLVI. – С. 232. Далее все цитаты даются по этому изданию, в скобках указываются римскими цифрами том, арабскими – страницы.

³ См.: Дружинин А.В. Повести. Дневник. – М., 1986. – С. 373, 376; Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбом. – Л., 1936. – С. 71–72.

⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 2. – М.–Л., 1961. – С. 340.

Отзыв старика Аксакова (в письме к Тургеневу от 12 марта) был тоже, в общем, положительным: «Скажите, пожалуйста, графу Толстому, что “Метель” – превосходный рассказ. Я могу об этом судить лучше многих: не один раз испытал я ужас зимних буранов и однажды потому только остался жив, что попал на стог сена и в нем ночевал». Дальше Аксаков, однако, не удержался и добавил, что в рассказе «*подробностей слишком много; однообразие их несколько утомительно*»⁵. Последний упрек исходил, скорее всего, не столько от самого Сергея Тимофеевича Аксакова, сколько от его старшего сына Константина, который в то время работал над статьей о современной литературе. Высоко оценивая талант графа Толстого, он, однако, упрекал его в излишне «анализаторском» и «микроскопическом взгляде» на предметы: «Перед вами стакан чистой воды, вы увеличиваете ее в микроскоп; перед вами море, наполненное инфузориями, целый особый мир; но если вы усвоите себе это созерцание, то впадете в совершенную ошибку, и перед вами исчезнет вид настоящей воды <...> Итак, вот опасность анализа; он, увеличивая микроскопом, со всею верностью, мелочи душевного мира, представляет их, по тому самому, в должном виде, ибо в *несоразмерной величине*»⁶.

Между тем молодой Толстой как раз и настаивал на литературном отображении «подробностей чувства» (XLVI, 188), составляющем основу читательского интереса. В этом интересе к «подробностям» он, по своей литературной устремленности, вполне соответствовал направленности диккенсовской романистики и, в частности, «Дэвиду Копперфильду».

По своему содержанию понравившийся Толстому диккенсовский фрагмент «описания бури» представляет собой ряд последовательных описаний природного катаклизма, данных в восприятии героя, находящегося неподалеку от него, в относительной безопасности. Здесь представлен ряд сменяющих друг друга описаний бушующего моря. То ночью, при самом начале бури: «Приближалась ночь, облака сгустились, раскинувшись по всему небу, теперь уже совсем черному, а ветер все крепчал...» и т.д. То на рассвете, когда буря уже разыгралась: «Катились и катились гигантские валы и, достигнув предельной высоты, рушились с такой силой, что, казалось, прибой поглотит город. С чудовищным ревом отпрядывали волны, вырывая в береге глубокие пещеры, словно для того, чтобы взорвать сушу...» и т.д. То посреди дня, в самый разгар катаклизма: «Но море, бушевавшее еще одну ночь, было неизмеримо страшнее, чем тогда, когда я видел его в прошлый раз. Казалось, будто оно чудовищно *разбухло*, неизмеримой высоты валы вскидывались, перекатывались друг через друга без конца и без края, как неисчислимая рать, наступали на берег и рушились со страшной силой» и т.д. Диккенсовские описания детальные, эмоциональные, несколько метафоричны, их цель – достичь именно точности в деталях описания исключительного природного явления.

В толстовской «Метели» налицо та же установка. Не ограничиваясь общими указаниями на «мрак», «вихорь», «хлопья снега», Толстой, в отличие от своих предшественников, занят именно *частностями*: подробной фиксацией разных «метельных» фаз. Казалось бы, что здесь особенно «описывать» – снег, ветер, «белое безмолвие»; точно так же, как у Диккенса: ветер, разбушевавшаяся вода, валы. Но Толстой упорно фиксирует все детали меняющейся стихии, которые и организуют все повествование. Вот самое начало катаклизма: «... дорога стала тяжелее и засыпаннее, ветер сильнее стал дуть мне в левую сторону, заносить вбок хвосты и гривы лошадей и упрямо поднимать и относить снег, разрываемый полозьями и копытами» (III, 118). Дальше – описания снега, данные на показательных опорных деталях: «Снег засыпал скрипучие колеса, из которых некоторые не вертелись даже» (III, 124), «снег шел сухой и мелкий», «со всех сторон были белые косые линии падающего снега» (III, 125), «мы ехали, не останавливаясь, по белой пустыне, в холодном, прозрачном и колеблющемся свете метели» (III, 127) и т.д.

⁵ Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу // Русское обозрение. – 1894. – № 12. – С. 583.

⁶ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. – М., 1995. – С. 357.

Наконец, «рассыпанные» детали соединяются, как и у Диккенса, в цельное описание, демонстрирующее образ метельного напряжения: «Посмотришь вниз – тот же сыпучий снег разрывают полозья, и ветер упорно поднимает и уносит все в одну сторону. Впереди, на одном же расстоянии, убегают передовые тройки; справа, слева все белеет и мерещится. Напрасно глаз ищет нового предмета: ни столба, ни стога, ни забора – ничего не видно. Везде все бело и подвижно...» (III, 128) и т.д. Эти «белые» данности рождают ощущение «незнаемости» мира: застигнутый метелью путник действительно как будто попадает в иное измерение: вдалеке от людского жилья, без привычной обстановки в «колеблющемся снегу» (III, 135). «Действительно, страшно было видеть, что метель и мороз все усиливаются, лошади слабеют, дорога становится хуже, и мы решительно не знаем, где мы и куда ехать, не только на станцию, но к какому-нибудь приюту, – и смешно и странно слышать, что колокольчик звенит так непринужденно и весело...» (III, 136) Функциональное «задание» толстовских описаний то же, что у Диккенса.

«Превосходный рассказ» Толстого заставил старика Аксакова вспомнить собственный очерк «Буран», появившийся еще в альманахе «Денница на 1834 год». Об этом очерке, кстати, напомнил и Н.П. Гиляров-Платонов в статье о С.Т. Аксакове, которая появилась в том же марте 1856 г. в первом номере «Русской беседы». Очерк этот был весьма примечателен хотя бы потому, что в свое время «открыл» настоящую направленность дарования писателя. Обещавший М.А. Максимовичу «написать *что-нибудь*» для его альманаха, Аксаков, занятый служебными делами, не успел, по обыкновению, написать статью и дал этот очерк, изображавший действительное событие: гибель крестьянского обоза, застигнутого снежным бураном в оренбургской степи. Очерк был написан с легкостью, напечатан анонимно и имел неожиданный успех. Перепечатывая очерк, Аксаков с гордостью рассказал, как «обманом» удостоился похвалы своего литературного недруга Н.А. Полевого и напомнил, что Пушкин, работая над «Капитанской дочкой», использовал ряд деталей этого «буранного» описания.

Очерк «Буран» развивал ту повествовательную традицию, начало которой положил Пушкин осенью 1830 г. в «Повестях Белкина» (и, в частности, в самой близкой по ситуации повести «Мятедь»): точное и предметное описание жизненного явления с минимумом поэтических фигур и троп: «Разыгрался пустынный ветер на приволье, взрыл снеговые степи, как пух лебяжий, вскинул их до небес... Все одел белый мрак, непроницаемый, как мрак самой темной осенней ночи! Все слилось, все смешалось: земля, воздух, небо превратилось в пучину кипящего снежного праха, который слепил глаза, занимал дыханье, ревел, свистал, выл, стонал, бил, трепал, вертел со всех сторон, сверху и снизу, обвивался, как змей, и душил все, что ему ни попадалось»⁷.

Аксаков следовал пушкинской стилистике экономных описательных оборотов: «В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею» («Мятедь»). «Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. <...> Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным...» («Капитанская дочка»)⁸.

Толстой прочел «Капитанскую дочку» в 1853 г. и пришел к выводу, «что теперь уже проза Пушкина стара – не слогом, – но манерой изложения. Теперь справедливо – в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самих событий. Повести Пушкина голы как-то...» (XLVI, 187–188). Но те «подробности чувства», которые он разворачивает в своем описании метели, далеко не случайно воспринимаются стариком Аксаковым как ненужные и «утомительные». Множество деталей. Не просто «лошади», но многократное воз-

⁷ Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 3 т. – М., 1986. – Т. 3. – С. 255.

⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. АН СССР. 1938. – С. 79, 287.

вращение к их описанию: «коренная с черной гривой», «добрая, большая косматая лошадь», «гнеденкая пристяжная», их дуга, их сбруя «вместе с длинной ременной кисточкой шлеи» – и все это, в разных вариациях, повторяется не менее десятка раз. Не просто ямщик, исполняющий свои обязанности, но целая галерея ямщиков: ямщик-«боязливый» (с характерным «господи-батюшка!»), ямщик-«советчик», ямщик-«сказочник», ямщик-«бойкий», ямщик-«ругатель» и т.д. И даже необходимость «выпить вина» на холоде, прежде чем войти в теплую избу (на нее указывает Аксаков в «Бурани»), представлена здесь как живая «картинка», которая кажется не очень и нужной.

Сами же описания метели предельно субъективны, автор описывает свои видения, а не общую картину бурана, постоянно нарушая «масштаб» изображения (на что указал Аксаков-сын): «Везде все было бело, бело и подвижно: то горизонт кажется необъятно-далеким, то сжатым на два шага во все стороны, то вдруг белая стена вырастает справа и бежит вдоль саней, то вдруг исчезает и вырастает спереди, чтобы убежать дальше и опять исчезнуть. Посмотришь ли наверх – покажется светло в первую минуту, – кажется, сквозь туман видишь звездочки: но звездочки убегают от взора выше и выше, и только видишь снег, который мимо глаз падает на лицо, и воротник шубы; небо везде одинаково светло, одинаково бело, бесцветно, однообразно и постоянно подвижно» (III, 123). Такого рода восприятие ни у Пушкина, ни у Аксакова-отца невозможно.

Сама жанровая данность *рассказа* кажется у Толстого нарушенной. В самом деле, во имя чего автор так подробно, в мельчайших деталях, восстанавливает события поразившей его метельной ночи? Какая общая идея кроется за его описанием? Что вскрывают «подробности чувства»?

В пределах живописуемой в рассказе ситуации Толстой идет явно по следам Диккенса. Английский романист рассматривал природный катаклизм как нечто получающее огромное влияние на *человеческую* судьбу. Вот как начинается LV глава «Дэвида Копперфилда»: «Я подхожу к событию в моей жизни, столь неизгладимому, столь страшному, столь неразрывно связанному со всеми предшествующими событиями, что с первых страниц моего повествования, по мере приближения к нему, оно вырастает на моих глазах, становится все больше и больше, словно огромная башня на равнине, и бросает свою тень даже на дни моего детства. Долгие годы после того, как оно произошло, я не переставал думать о нем. Впечатление было так сильно, что я вздрагивал по ночам, будто в мою тихую комнату врываются раскаты неистовой бури...»⁹

Подобное восприятие бури на море кажется очень уж «преувеличенным»: Дэвид ощутил этот катаклизм все же «со стороны», с берега. И тем не менее: «Достаточно мне услышать вой штормового ветра или упоминание о морском берегу – и оно всплывает в моем сознании»¹⁰. «Природное» волнение, действительно, сыграло громадную роль в его человеческой судьбе: из-за описанной бури погибли два связанных с героем человека: гордый и обязательный Джеймс Стирфорт, «байронический» идеал юного Дэвида, и пытавшийся его спасти простой плотник Хэм Пеготти. При этом Стирфорт – соблазнитель Эмили, а Хэм считает его своим врагом.

А. Уилсон в своей книге о Толстом отметил некоторую параллель с «описанием бури на море» уже в толстовском «Отрочестве»: «Параллели между двумя бурями на Ярмутском побережье в романе Диккенса очевидны. Катенька, словно малютка Эмили, является служанкой дома, нанятой матерью повествователя. Их любовь чиста, просто девственна, прямая противоположность отношениям, возникшим позднее между ею и Стирфортом. Хотя Толстой и старался превратить Катеньку в свою малютку Эмили, у него не получилось. Николай вовсе не

⁹ Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим / Диккенс Ч. Собр.соч. Т. 6. – М. Худ. лит., 1984. – С. 663.

¹⁰ Там же.

один, когда целует Катеньку, как и Дэвид, когда проделывает то же самое с Эмили. Насмехающийся старший брат подглядывает за ним...»¹¹

«Буря на море» оценивается героем Диккенса как Божие наказание: Творец иногда пробует вмешаться в человеческие деяния и по-своему их решить. Ему, по большому счету, все равно, кто из людей прав, кто – неправ: Он привык решать сразу и кардинально.

¹¹ Уилсон М.О. Путь Толстого. – С. 114.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.